
Ю. И. СЕМЕНОВ

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

В статье раскрываются истоки социологического номинализма – взгляда, согласно которому общества как реального целостного образования не существует, существуют только отдельные люди, индивиды. Показывается, что обосновать социологический реализм можно только с позиции материалистического понимания общества и истории.

Ключевые слова: общество, социальный организм, социоисторический организм, общественные отношения, социально-экономические отношения, социальное объективное бытие, материалистическое понимание общества и истории, базис и надстройка, материальное, объективное.

1. Вводные замечания

В исторической, социологической и философской литературе слово «общество» имеет по меньшей мере пять основных значений.

Первое из них – конкретное отдельное общество, представляющее собой относительно самостоятельную единицу исторического развития. Каждое такое общество локализовано во времени и пространстве: оно занимает определенную территорию, оно обязательно когда-то возникло, а многие родившиеся в свое время такие общества давно уже исчезли, ушли с исторической арены. Общество в таком понимании можно назвать *социально-историческим (социоисторическим) организмом*, или, сокращенно, *социором*. Примеры: Египет, Афинская республика, Спарта, Византия, Россия, Франция и т. п.

Второе значение – пространственно ограниченная *система социально-исторических организмов*, или *социорная система*. Примеры: общество Западной Европы, Ближнего Востока, Латинской

* Статья написана при поддержке гранта РЕНФ № 14-03-00796 «Междисциплинарные основания социальной теории: информационные, системно-теоретические и этно-антропологические подходы к изучению общества».

Америки и т. п. Третье значение – все когда-либо существовавшие и ныне существующие социально-исторические организмы, вместе взятые, – *человеческое общество в целом*. Четвертое значение – *общество вообще*, безотносительно к каким-либо конкретным формам его реального существования. Пятое значение – *общество вообще определенного типа (особенное общество или тип общества)*, например: феодальное, капиталистические, постиндустриальное и т. п.¹

Все отдельные конкретные общества во все эпохи независимо от размеров всегда являлись совокупностями отдельных конкретных людей, индивидов. И перед исследователями вставал вопрос, представляет ли собой общество простую сумму индивидов или же качественно особое целостное образование, не сводящееся к совокупности составляющих его индивидов и имеющее свои собственные законы развития, отличные от законов, управляющих индивидами, взятыми по отдельности.

С самого начала теоретического подхода к исследованию общества в философской, социологической и исторической мысли давались два основных ответа на этот вопрос. Соответственно существовали и сейчас существуют два направления, одно из которых обычно именуется *социологическим номинализмом*, или *методологическим индивидуализмом*, другое – *социологическим реализмом*, или *социологическим субстанциализмом*.

2. Социологический номинализм

Социологические номиналисты считают то образование, которое принято называть обществом, простой совокупностью, суммой индивидов и ничем большим. Поэтому единственными реальными объектами социального исследования они считают отдельных людей. Никаких других не существует. Подобного рода взгляд нашел, например, свое предельно четкое выражение в работе известного русского историка, историософа и социолога Николая Ивановича Кареева (1850–1931) «Введение в изучение социологии» (СПб., 1897; 2006). Последний писал: «Личность есть единственное реальное существо, с которым имеет дело социология. Народы или

¹ Подробно см.: Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. М., 2013. С. 21–44.

отдельные классы одного и того же народа суть собирательные единицы, состоящие из отдельных личностей»².

Сходное высказывание содержится в одном из трудов известного немецкого социолога Карла Эмиля Максимилиана (Макса) Вебера (1864–1920). «Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических, – писал он, – может быть, напротив, целесообразно или даже неизбежно рассматривать социальные образования (“государство”, “ассоциацию”, “акционерное общество”, “учреждение”) совершенно так же, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, совершающих релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования – просто процессы и связи специфического поведения отдельных людей, так как только они являются собой понятных для нас носителей осмысленных действий»³.

Подобная точка зрения и сейчас имеет много сторонников. В целях экономии времени и места ограничусь высказыванием итальянских социологов Дарио Антисери и Лоренцо Инфантино, которым открывается их предисловие к сборнику работ известного австрийско-американского экономиста Фридриха Августа фон Хайека (1899–1992) «Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений». «*Не существует ни классов, ни общества как такового, – пишут они, – существуют лишь индивиды.* Социальные науки (социология, экономика, историография, антропология и т. п.) имеют дело с коллективными понятиями, как государство, нация, партия, революция, капитализм, общество и т. д. Два крупных направления мысли отражают коллективистскую традицию интерпретации таких понятий и индивидуалистскую традицию. Коллективисты (Сен-Симон, Конт, Гегель, Маркс, неомарксисты, структуралисты) утверждают, что коллективистским понятиям соответствует некая определенная реальность, автономная и независимая от людей: общество, партии, классы в качестве реальных образований лепят индивидов, а ученый обязан искать и описывать законы развития этих субстанций. Сторонники методологического инди-

² Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 103. См. также: С. 104.

³ Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения. М., 1990. С. 614.

видуализма (А. Смит, Д. Юм, К. Поппер, Ф. А. фон Хайек – ближе к нам Р. Будон) утверждают, что коллективным понятиям не соответствует никакая специфическая реальность. Классов, обществ, партий, даже вооруженных сил не существует. Есть только индивиды. Только индивиды думают и действуют. В этом состоит теоретическое ядро методологического индивидуализма»⁴.

Для завершения картины добавим к названным лицам еще одного австро-американского экономиста – Людвиг фон Мизеса (1881–1973), который занимался также и философией истории. В работе «Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции» (1957) он начинает с того, что объявляет вопрос «является ли общество суммой индивидов или оно больше этого, и тем самым является сущностью, обладающей независимой реальностью», не имеющим смысла. «Общество не является ни суммой индивидов, ни чем-то большим или меньшим. Здесь арифметические концепции неприменимы»⁵.

Но далее он развивает концепцию социологического номинализма. Стремясь во что бы то ни стало опровергнуть «коллективистическую философию», под которой он подразумевает социологический реализм, Мизес обвиняет ее в том, что она «отрицает существование индивидов и действий индивидов»⁶. Он утверждает, что, согласно взглядам его оппонентов, «индивид суть простой фантом, не имеющий реальности, иллюзорный образ, изобретенный псевдофилософией апологетов капитализма»⁷. Большой глупости сторонникам социологического реализма приписать просто невозможно. Когда в ход идут такого рода аргументы, это свидетельствует о крайней слабости защищаемой точки зрения.

Ни приведенные выше авторы, ни другие сторонники данного взгляда никогда не могли выдержать его до конца последовательно. В другом месте названной выше книги Н. И. Кареев утверждал: «Общество не есть простая совокупность личностей, находящихся в психическом и практическом взаимодействии, но целая система

⁴ Хайек Ф. А. фон. Познание, конкуренция и свобода / Ф. А. фон Хайек // Антология сочинений. СПб., 1999. С. 43.

⁵ Мизес Л. фон. Теория и история. М., 2001. С. 183.

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же.

этих взаимодействий, в коей последние получают известные постоянные формы, известную организацию»⁸. Тем самым фактически он переходит на совершенно иную позицию. Не отличался особенной последовательностью и Ф. Хайек⁹.

3. Общество и природа: различие их бытия

Основания для появления такого взгляда имеются. Природа, природная реальность чувствознаваема. Поэтому никто из философов, не говоря уже о естествоиспытателях, никогда не сомневался в ее существовании. Споры шли лишь по вопросу о том, как и где существует природа: вне и независимо от сознания, объективно или же в сознании. Иное дело – общество. Оно недоступно органам чувств, оно умозрачно и только умозрачно. Поэтому все философы, которые выступали против метафизики, то есть против признания существования в мире чего-то зримого только умом, должны были бы встать на позицию социологического номинализма. Если они этого не делали, то это говорит лишь об их крайней непоследовательности.

Но дело обстоит еще сложнее. Применительно к природе можно говорить о наличии в ней двух видов объективного существования. Первый из них – самостоятельное существование, *самосуществование, самобытие*. Так существуют все конкретные отдельные явления. Все они материальны. Второй вид – существование объективное, но не самостоятельное, а только в чем-то ином, через что-то иное – *ввносуществование, ввнобытие*. Этим чем-то иным всегда является что-то материальное: тела, процессы, движения материальных тел. Если для обозначения объективного самостоятельного существующего давно уже имеется термин «*материальное*», то для наименования существующего тоже объективно, но не самостоятельно, а в чем-то ином, его нет. Я буду называть это бытие *объектальным*. Объектальными являются время и пространство, все виды общего и сущности, включая законы природы, информация, которая не может существовать без материального носителя, вообще все связи, все виды порядка¹⁰.

⁸ Кареев Н. И. Указ. соч. С. 295–296.

⁹ См.: Хайек Ф. А. фон. Указ соч. С. 39–43.

¹⁰ Подробнее см.: Семенов Ю. И. Введение в науку философии. Кн. 2. Вечные проблемы философии. М., 2013. С. 120–123, 143–146, 219–264.

Понятия самобытия (материального) и вьинобытия (объектального) применимы и к обществу, но с определенными уточнениями и поправками. *Социообъектальное* всегда есть вьинобытие, но не обязательно является только объективным.

Исходным для анализа общества является понятие человеческой практической материальной деятельности. Эта деятельность в отличие от умственной деятельности, мышления материальна. Она невозможна без движения человеческого тела в целом и отдельных его органов (рук, ног, головы, языка и т. п.). Все эти действия происходят вне сознания человека, являются ничуть не менее физическими явлениями, чем, например, падение камня, течение жидкости и т. п. Но практическая деятельность человека не только материальна. Она направляется сознанием и волей, является сознательной, целенаправленной, волевой. Совершаясь вне сознания, она в то же время определяется им, зависит от него. Иначе говоря, практическая деятельность человека есть неразрывное единство материального и идеального.

Человеческая практическая деятельность в пределах каждого конкретного отдельного общества (социоисторического организма) никогда не является хаотическим нагромождением отдельных действий. Она всегда упорядочена. За внешним хаосом всегда скрывается определенный внутренний порядок, который обеспечивается системой социальных отношений. Эта система объединяет и организует и множество практических человеческих действий и одновременно множеств этих действующих людей в единое целое, делая последних членами одного и того же общества.

Система общественных отношений есть единая структура одновременно и человеческой практической деятельности, и конкретного отдельного человеческого общества. Она представляет собой каркас общества. Этот каркас не имеет самостоятельного бытия. Он по своей природе объектален и поэтому не может существовать без материального носителя. И таким материальным его носителем является практическая деятельность членов общества, которая, как уже отмечалось, и идеальна, и материальна. Но практическая деятельность – не единственный материальный носитель общественных отношений. Последние могут проявляться в самых различных материальных телах. Воплощаясь в материальных объ-

ектах, эти отношения наделяют их социальными качествами, не имеющими ничего общего с их природными качествами.

Начнем с людей. Они не только физические тела и даже не только биологические организмы, каковыми являются все животные. Человек есть общественное существо и качестве такового есть единство тела (биологического организма, физического объекта) и духа, который идеален. Так как духа нет без тела, без мозга, который является его материальным носителем, то в конечном счете и здесь социальное качество воплощается в теле. Система социальных отношений делает человека не только социальным существом вообще, но и наделяет его множеством социальных качеств, общественных статусов. Он может быть собственником, рабом, рабовладельцем, капиталистом, пролетарием, аристократом, простолюдином и т. д. и т. п.

Социальные отношения наделяют социальными качествами и вещи. Созданные или добытые людьми материальные предметы всегда являются не только потребительными ценностями, но чьей-то собственностью: персональной, групповой, общественной. Вещь может быть товаром, а может не быть им. В первом случае она обладает стоимостью (меновая стоимость), во втором – она ее не имеет. Стоимость есть чисто социальное качество вещи, отличное от всех ее природных свойств: веса, фигуры, цвета и т. п. Но это социальное качество вещи столь же объективно, как и ее природные свойства. Стоимость, несомненно, существует, причем как нечто объективное. И в то же время она ни в коем случае не является материальной. Это загоняло материалистов (включая марксистов), которые задумывались над этим вопросом, в тупик. Исходя из того, что все существующее может быть либо материальным, либо идеальным, некоторые из них приходили к выводу о том, что стоимость есть объективно существующее идеальное, и тем самым переходили в решении этой проблемы на позиции объективного идеализма¹¹. А ключ к решению этого вопроса заключался в признании существования наряду с материальным еще одного вида объективного бытия – объектального. Стоимость товара не материальна, не идеальна, она – объектальна.

¹¹ См.: Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 136.

Социальные качества и людей, и вещей могут меняться. Раб может стать свободным, а свободный человек – превратиться в раба. Вещи постоянно переходят из собственности одних людей в собственность других. Во всех этих случаях перед нами предстает движение, причем чисто социальное. Это движение может сопровождаться физическим перемещением, а может не сопровождаться. Дом, меняя собственника, перемещаясь из одной ячейки собственности в другую, при этом не сдвигается с места. Все подобного рода процессы являются социальными. Они объективны, но представляют собой движения материи. Эти чисто социальные процессы по своей природе объектальны.

В этом отношении объектальное в обществе, социообъектальное существенно отличается от объектального в природе. В природе существует объектальное, но нет объектальных процессов. Там движется только материя. В обществе существует не только объектальное, но происходит объектальное движение, идут объектальные процессы. Социообъектальное в отличие от натуробъектального способно к движению. Это связано со спецификой его материального носителя. Как уже указывалось, главным его материальным носителем является человеческая практическая деятельность, которая не только материальна, но и идеальна.

Когда речь идет об обществе, то имеют в виду далеко не одно и то же. Общество может пониматься просто как система общественных отношений. Последняя представляет собой своеобразную сеть с множеством узлов, которые принято называть общественными институтами или учреждениями. Но эта сеть объектальна, она не имеет самостоятельного бытия. Это давало социологическим номиналистам основания для вывода, что она вообще не имеет бытия.

Не меняет положения добавление к этому каркасу всех социальных явлений, представляющих собой воплощение социальных отношений в материальных объектах. Они ведь тоже объектальны, то есть не имеют самостоятельного бытия.

Можно включить в состав общества людей, его образующих. Люди, несомненно, материальные объекты. Но если не существует того, что их связывает, нет того, что делает их вместе взятых единым целым, то есть нет их объективной целостности. А без объективной цельности нет и объективного целого, то есть в данном слу-

чае – общества. То же самое можно сказать и при внесении в понятие общества материальных вещей, несущих социальные качества.

Ничего не дает в этом отношении также и включение в понятие общества материальной практической деятельности людей. Ведь она направляется сознанием и волей людей, зависит и производна от их сознания и воли.

Таков в общем ход рассуждений, который вел к социологическому номинализму.

4. Социологический реализм. Понятие социального организма

Но в отличие от теоретиков обычные люди не столько рассуждали, сколько действовали. И они взаимодействовали не только с природой, но и друг с другом. И на опыте убеждались, что в межчеловеческих отношениях царит объективный и довольно жесткий порядок, с которым нужно считаться, который нужно соблюдать. Человек в своей деятельности всегда сталкивается с определенными ограничениями, преградами. Он должен действовать в определенных рамках, при выходе за которые подлежит наказанию. И эти преграды, границы являются не физическими, а какими-то совершенно иными – социальными. На него действуют силы, которые опять-таки имеют не физическую, а совершенно иную природу. И люди не могли этого не осознавать, причем совершенно не обязательно в адекватной форме. Это осознание чаще всего носило иллюзорный характер, но оно всегда имело место.

На это обыденное практическое осознание опирались создатели социологического реализма. Они исходили из того, что общество хотя и состоит из индивидов, но ни в коем случае не представляет собой их простой совокупности. Оно есть целостное образование, имеющее свою жизнь, несводимую к жизням составляющих его индивидов, есть особый объект, развивающийся по собственным, только ему присущим законам. Как нечто единое целое общество (= государство) выступает в труде Платона (427–347 до н. э.) «Законы». «Государство наше, – читаем мы там, – как и любой отдельный в нем человек, должно жить счастливо» (829а). Подобный взгляд в достаточно четкой форме выражен в труде Аристотеля (384–322 до н. э.) «Политика». «Итак, очевидно, – писал великий мыслитель, – государство существует по природе и по природе

предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшийся в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому» (I: 12).

В Новое время сторонниками социологического субстанциализма стал использоваться в применении к обществу термин «*организм*». Он встречается в работе Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755), К. А. Гельвеция «Об уме» (1757) и «О человеке» (1769, 1773).

Но достаточно широко термин «организм» стал применяться к обществу лишь начиная с 40-х гг. XIX в. Одним из первых это сделал основоположник позитивизма и одновременно родоначальник социологии как особой опытной науки О. Конт (1798–1857). Последний отнюдь не отождествлял общество с биологическим организмом. Ему было важно лишь подчеркнуть, что общество есть целостное образование, особый предмет эволюции. И чтобы обратить внимание на качественное отличие общества от животного организма, он называл его не просто организмом, а *социальным организмом*.

Термин «социальный организм» был подхвачен известным английским философом-позитивистом и социологом Г. Спенсером (1820–1903). Этому понятию он посвятил статью «Социальный организм» и постоянно использовал его в своих «Основаниях социологии» и других работах. Главным для него было «уподобление общества живому телу»¹² с целью обоснования мысли о том, что общество не есть простая совокупность людей, а нечто целое, несводимое к сумме составляющих его индивидов. «...В социальном организме, – писал он, – как и в индивидуальном, является жизнь целого, совершенно отличная от жизней отдельных единиц, хотя и слагающаяся из этих последних»¹³.

В России термин «социальный организм» широко использовал социолог, историкософ и правовед В. М. Хвостов (1868–1920). Он

¹² Спенсер Г. Социальный организм / Г. Спенсер // Научные, политические и философские опыты. СПб., 1866. Т. I. С. 427.

¹³ Его же. Основания социологии. СПб., 1898. С. 284.

разрабатывал это понятие как в статье «Социальный организм»¹⁴, так и в работе «Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории» (М., 1914; 2009). «Принимая во внимание, – писал он, – что человеческое общество ведет свою особую жизнь, подлежащую действию особых законов, и что в этой деятельности оно создает продукты, создание которых непосильно отдельным индивидуум, мы и делаем вывод, что общество есть не простая сумма индивидов, но особое целое, а так как это живое целое живет и развивается, то мы называем его *органическим целым*»¹⁵.

Одновременно В. М. Хвостов предостерегает против уподобления общества биологическому организму. «Для нас, – продолжает он, – общество есть организм только в том смысле, что оно имеет особую жизнь, не исчерпывающуюся жизнью отдельных его членов и управляемую своими законами, законами социального развития. Но этот организм совершенно иного порядка, чем организм биологический»¹⁶.

Термин «социальный организм» использовали в основном социологи, но не историки. И поэтому, говоря о социальном организме, первые имели в виду не специально отдельное конкретное общество, а прежде всего общество вообще и только тем самым конкретные отдельные общества. Но и историки, когда они пользовались словом «организм» в применении к обществу, тоже подразумевали под ним не только отдельное общество. Так, известный русский историк Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918) во вступительной лекции к курсу новой истории говорил: «Дело в том, что общество, будь то все человечество в целом или отдельная нация, есть организм, организм особого рода»¹⁷.

Но в последующем некоторые ученые стали использовать словосочетание «социальный организм» для обозначения именно отдельного общества. Это можно видеть, например, в существенно переработанной и изданной в 1937 г. первой части первого тома труда известного русского историка, социального философа и по-

¹⁴ Хвостов В. М. Нравственная личность и общество. М., 1911.

¹⁵ Он же. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. М., 1914. С. 183.

¹⁶ Там же. С. 183–184.

¹⁷ Лучицкий И. В. Отношение истории к науке об обществе // Знание. 1875. № 1. С. 32.

литического деятеля П. Н. Милюкова (1859–1943) «Очерки по истории русской культуры». Но и для него категория отдельного общества выступает как понятие не исторической науки, а социологии. Понятие отдельного общества и связанный с ним взгляд на человечество как на совокупность множества отдельных обществ он противопоставляет «идее всемирной истории». «Научная социология, – писал он, – отодвигает на второй план точку зрения всемирной истории. Она признает естественной единицей научного наблюдения отдельный социальный (– национальный) организм... Научная социология не признает отдельные национальные организмы неподвижными “типами”. Она изучает эволюцию каждого отдельного организма и находит в нем черты сходства с эволюцией других организмов»¹⁸.

Термином «социальный организм» или близкими к нему иногда пользовались в применении к обществу и классики марксизма, и другие виднейшие представители этого направления¹⁹.

«Общество людей есть организм, – писал крупный теоретик марксизма Карл Каутский (1854–1938), – не животный и не растительный, но все-таки организм, а простой агрегат индивидуумов...»²⁰

В нашей стране после 1917 г. словосочетание «социальный организм» перестало употребляться. Выступив в 1966 г. с обоснованием необходимости введения понятия отдельного конкретного общества в качестве важнейшей категории исторической науки, я предложил для обозначения этого понятия данный старый термин²¹. После этого словосочетание «социальный организм» получило распространение и вновь стало использоваться специалистами в области разных общественных наук, но далеко не всегда в предложенном мною смысле. Стали писать об этносоциальном организме, социальном организме родства и т. п. Социальными ор-

¹⁸ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 43, 47.

¹⁹ См.: Маркс К. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 712; Он же. Капитал. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 11; Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 167–168; Его же. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 430.

²⁰ Каутский К. Аграрный вопрос. М., 2012. С. 212. См. также: Его же. Этика и материалистическое понимание истории. М., 2003. С. 84–86.

²¹ См.: Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 88–106.

ганизмами стали называть самые различные общественные образования, включая общественные классы и т. п. Таким образом, в научное обращение вошел термин «социальный организм», но отнюдь не понятие отдельного конкретного общества. Именно многообразие значений, которые стали вкладываться в словосочетание «социальный организм», побудило меня отказаться от него и предложить для обозначения отдельного конкретного общества новый термин – «социально-исторический (социоисторический) организм».

5. Проблема скрепляющей основы общества

Перед теми исследователями, которые рассматривали общество как единое целое, несводимое к сумме составляющих его индивидов, с неизбежностью вставал вопрос о том, что же именно скрепляет данную совокупность людей, тем самым превращая ее в единый организм. Эта система социальных скреп есть основа, базис, фундамент общества. Она должна быть объективной, то есть существующей вне и независимо от сознания людей, живущих в этой системе. В противном случае общество не может быть названо организмом. Ведь организмом может быть названо только такое образование, которое функционирует и развивается по объективным законам.

Это достаточно четко понимали сторонники социологического номинализма. Как видно из приведенных выше их высказываний, говорить о существовании общества можно только в том случае, если доказано, что оно существует объективно, то есть вне и независимо от сознания и воли людей.

Таким образом, проблема выявления скреп общества совпадает с проблемой поиска объективного общественного бытия, а тем самым и объективного источника общественного сознания в узком смысле. Этот основной вопрос философии в применении к обществу был материалистически решен только марксистской философией. Марксистское материалистическое понимание общества и истории является первым и единственно существующим. Других решений нет. До появления марксизма все философы, не исключая материалистов, и обществоведы придерживались того или иного варианта идеалистического понимания общества и истории. То же

самое можно сказать и обо всех последующих философах и обществоведах, которые не приняли марксизма.

В результате все они запутывались в противоречиях. Социологи, например, объявляя изучаемую ими социальную реальность объективной, в то же время никак не могли объяснить, откуда взялась эта объективность. Необычайно наглядно это можно видеть на примере работ известного французского социолога Э. Дюркгейма (1858–1917), прежде всего таких, как «О разделении общественного труда» (1893; 1902) и «Метод социологии» (1895; 1901). Он был убежденным сторонником социологического субстанциализма и категорически настаивал на том, что общество представляет независимую от индивидов, внеиндивидуальную и надындивидуальную реальность. Эта особого рода реальность, несводимая к другим ее видам, включена в универсальный природный порядок. Социальная реальность столь же устойчива и основательна, как все другие виды реальности, и, соответственно, так же как и они, развивается по определенным законам.

На естественно возникавший вопрос о природе этой социальной реальности Э. Дюркгейм прямого ответа не давал. Но так как он с самого начала своей научной деятельности настаивал на духовном характере всех социальных явлений (включая экономические), то получалось, что эта реальность была в сущности духовной. Объяснить, каким образом духовная реальность могла быть независимой от сознания людей, Дюркгейм оказался не в состоянии. И в результате, начав с резкой критики психологизма, с подчеркивания внешнего и принудительного характера социальных фактов, он в последующем все в большей и большей степени стал склоняться к психологическому их объяснению.

Попытки преодолеть субъективизм в понимании душевной жизни как основы общества вели некоторых обществоведов к объективному идеализму и даже к религии. Примером может послужить сочинение русского религиозного философа Семена Людвиговича Франка (1877–1950) «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (1930). Утверждая, что «общественная жизнь по самому своему существу духовна, а не материальна», С. Л. Франк в то же время подвергал критике «социальный психо-

логизм»²². Конечный его вывод состоял в том, что «общественное бытие в целом есть как бы система божеств или божественных сил, некий пантеон, в котором выражается данная стадия или форма человеческого отношения к Божеству...»²³.

Ясно, что для настоящего ученого подобного рода выводы совершенно неприемлемы. Он с неизбежностью должен искать иное объяснение целостности общества. Стремление найти действительно объективную основу общества издавна толкало мыслителей, придерживавшихся социологического реализма, к поискам полного или почти полного тождества между обществом и животным организмом, к стремлению уподобить общество биологическому организму.

В 70-х гг. XIX в. в социологии появляется своеобразная школа, пытающаяся не просто провести аналогию между обществом и биологическим организмом, но в значительной степени, если не полностью, отождествить их, по крайней мере, уподобить первое второму. Довольно радикальным в этом отношении был российский социолог П. Ф. Лилиенфельд (1829–1903). Завершая первую часть своей работы «Мысли о социальной науке будущего. Человеческое общество как реальный организм» (СПб., 1872; М., 2012; в 1873–1881 гг. вышло расширенное издание этой работы на немецком языке в 5 томах), он писал: «В ней мы поставили своей задачей показать, что человеческое общество составляет в сущности такое же реальное существо, как все прочие организмы природы, и что вся разница между ними последними и социальными организмами заключается лишь в степени совершенства»²⁴.

Несколько менее радикальным был французский социолог Р. Вормс (1869–1926). Последний в работе «Организм и общество» (рус. перевод: «Общественный организм», СПб., 1897; М., 2012) утверждал: «Анатомия, физиология и патология обществ воспроизводят, – в больших размерах и с важными добавлениями и изменениями, но все же на той же основе – анатомию, физиологию и патологию организмов... Законы, управляющие членами обществен-

²² Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1990. С. 317–318.

²³ Там же. С. 330.

²⁴ П. Ф. Лилиенфельд. Мысли о социальной науке будущего. СПб., 1872. С. 401.

ного тела, отчасти, по крайней мере, сходны с законами, управляющими клетками организма. Следовательно, все в обществе, элементы и законы, подобно – не говорим, разумеется, тождественно – тому, что мы находим в теле отдельного человека»²⁵.

Самую умеренную позицию среди представителей этой школы занимал французский социолог А. Фулье (Фуйе) (1838–1912). Вот что мы читаем в его работе «Современная социальная наука» (1880; рус. перевод: «Современная наука об обществе», М., 1895; 2007): «Выше мы видели спор, поднимающийся по поводу этого основного вопроса: есть ли общество организм? Одни указывают на сходство, другие – на различия; первые отвечают на вопрос полным утверждением, вторые – абсолютным отрицанием. Но есть, кажется, средство примирить обе стороны: это принять в соображение, что сходства оправдывают, как мы уже указали, название организмов, даваемое обществам, а различия оправдывают установление особого класса организмов, составляющих новую группу в естественной истории»²⁶.

Кроме указанных выше лиц, к данной школе принадлежали немецкий экономист А. Э. Шеффле (1831–1903), написавший четырехтомный труд «Строение и жизнь социальных тел» (1875–1878), и французский ученый В. А. Эспинас (1844–1922) с его известной в то время книгой «Общества животных» (1875; рус. перевод: «Социальная жизнь животных», М., 1882).

Школа эта получила название *органической*. Но термин «органическое направление» иногда употребляется для обозначения всего течения, сторонники которого рассматривают общество как единое целостное образование. И если органическая школа в первом смысле очень скоро потеряла популярность, то органическое направление в конце концов восторжествовало в общественной науке. Причина краха органической школы заключалась в том, что она равным счетом ничего не объясняла.

Не будем продолжать рисовать эту грустную картину. Это происходило в недавнем прошлом и происходит сейчас, когда проблема в принципе уже давно решена, когда уже давно существует материалистическое понимание истории и общества.

²⁵ Вормс Р. Общественный организм. СПб., 1897. С. 2–3.

²⁶ Фулье А. Современная социальная наука. М., 1895. С. 113–114.

Все очень похоже на ту совершенно невероятную ситуацию, которая могла бы сложиться в науке, если бы подавляющее большинство ученых отказалось принять учение Коперника и продолжило вплоть до наших дней усердно разрабатывать систему Птолемея. Ясно, что астрономическая (и не только астрономическая) наука в таком случае оказалась бы в полном тупике. Что-то очень похожее произошло в истории западноевропейской философии второй половины XIX в. и XX в. Подавляющее большинство философов и теоретически, и практически почти полностью игнорировало открытия, сделанные диалектическим материализмом.

6. Марксистский социологический реализм

Исторический материализм возник не где-то в стороне от общего развития мировой философской и обществоведческой мысли. Он появился как ответ на те вопросы, которые уже давно стояли перед нею. Его возникновение было результатом длительных и трудных поисков, опиравшихся на все достижения философии и общественных наук.

Раскрывая значение создания материалистического понимания общества и истории, а также и других открытий К. Маркса, В. И. Ленин писал: «История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на “сектанство” в смысле какого-то замкнутого, законченного учения, возникшего в *стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»²⁷.

К. Маркс был одним из величайших теоретиков политической экономии. Он прекрасно знал современное ему капиталистическое общество. Ему, как и большинству тогдашних экономистов, было совершенно ясно, что капиталистические экономические рыночные отношения существуют независимо от сознания и воли людей, жи-

²⁷ Ленин В. И. Три источника и три составные части марксизма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.

вущих в системе этих отношений, и определяют их сознание и волю. Капиталистический рынок есть не что иное, как общественная форма, в которой идет производство материальных благ. Капитализм представляет собой прежде всего определенную систему общественного производства и тем самым определенный тип общества.

В Средние века такой системы общественного производства не было, но производство существовало. Люди и в это время создавали общественный продукт, но по-другому. Если при капитализме основным создателем общественного продукта был наемный рабочий, то в Средние века – зависимый от феодала крестьянин. В Средние века тоже существовали экономические отношения, но иные, чем при капитализме, – отношения феодальные. И эти феодальные отношения были столь же объективными, как и капиталистические, и тоже определяли сознание и волю людей, живущих в системе данных отношений. Иначе говоря, и здесь также существовала определенная система общественного производства, но качественно иная, чем капиталистическая. И эта экономическая система определяла тип общества.

В античную эпоху основным производителем был не наемный рабочий и не феодально-зависимый крестьянин, а раб. Система рабовладельческих экономических отношений была общественной формой, в которой в ту эпоху шло производство. И эта качественно отличная и от капиталистической, и от феодальной система общественного производства определяла тип общества.

Таким образом, для каждой из трех всемирно-исторических эпох развития классового, цивилизованного общества – античной, средневековой и новой – прежде всего было характерно существование определенной экономической системы: для первой – рабовладельческой, для второй – феодальной, для третьей – капиталистической. Смена экономических систем лежала в основе смены типов общества и тем самым исторических эпох.

К. Маркс не ограничился констатацией этого факта. Им было сделано важное обобщение. Человек качественно отличается от всех животных. И это различие прежде всего состоит в том, что животное только приспосабливается к среде, присваивает при помощи органов своего тела вещи, порожденные природой, а человек

преобразует среду, создает вещи, которых в природе не существует. Основной признак человека – производство материальных благ.

И это производство всегда происходит в определенной общественной форме, которую образует система социально-экономических отношений определенного типа. Существует несколько качественно отличных типов социально-экономических (производственных) отношений, и, соответственно, несколько качественно отличных друг от друга их систем, которые в последующем получили название *общественно-экономических укладов* (рабовладельческий, феодальный и т. п.). Каждая такая система социально-экономических отношений является общественной формой, в которой происходит процесс производства. Производство, взятое в определенной общественной форме, есть не что иное, как определенный *способ производства* (рабовладельческий, феодальный и т. п.). Способов производства, то есть качественно отличных видов общественного производства, существует столько, сколько существует общественно-экономических укладов.

Но самый важный из вопросов, вставших перед К. Марксом, состоял в том, почему в ту или иную эпоху существует именно этот, а не другой способ производства, и почему в историческом развитии одни способы производства сменяются другими, что лежит в основе смены способов производства. Это был тот роковой вопрос, который, правда, не в такой, а в иных формах вставал перед его предшественниками и на который они не смогли дать ответа.

К. Маркс и Ф. Энгельс жили в XIX в. В Европе в то время существовали капиталистические и некапиталистические социоисторические организмы. На глазах этих мыслителей в Европе разворачивался промышленный переворот и происходили социальные революции. Везде, куда проникала машинная индустрия, рушились феодальные и иные докапиталистические отношения, некапиталистические социоисторические организмы превращались в капиталистические.

На этой основе были сделаны важные выводы. Каждая система экономических отношений была общественной формой, в которой шел процесс создания материальных благ. Общественный продукт создавался определенной силой, которую составляли работники, вооруженные средствами труда. Эти люди вместе со средствами

труда, которые они приводили в движение, составляли *производительные силы* общества. И бросалось в глаза, что в разные эпохи разными были не только системы экономических отношений, но и производительные силы общества. Одной производительной силой были люди, вооруженные каменными топорами, иной – люди, которые создавали нужные им вещи с помощью железных орудий, и совсем другой – люди, которые использовали в своей производственной деятельности машины, приводимые в действие паром. Разные стадии производства отличались друг от друга не только типами экономических отношений, но и уровнем развития производительных сил.

Отсюда был сделан вывод о зависимости типа существующих в обществе социально-экономических отношений от уровня развития его производительных сил. Уровень производительных сил общества определяет существующую в нем систему социально-экономических (производственных) отношений. Изменение производительных сил общества рано или поздно ведет к тому, что одна система экономических отношений сменяется качественно иной их системой. А вместе с тем меняется и тип общества.

К выводу о том, что система социально-экономических отношений определяет сознание и волю людей, в явной или неявной форме некоторые мыслители пришли еще до Маркса. Но никто из них не мог объяснить, почему эти отношения являются именно такими, а не иными.

К. Маркс впервые нашел объективную, не зависящую от сознания и воли людей основу социально-экономических отношений – уровень развития производительных сил. И тем самым они впервые выступили у него как отношения объективные и только объективные, как отношения, определяющие сознание и волю людей и в то же время ни прямо, ни косвенно не зависящие от их сознания и воли. Так, наконец, было открыто объективное социальное бытие, так марксизмом наконец-то была решена проблема, над которой бились целые поколения мыслителей.

К. Маркс, исходя из материалистической традиции, называл открытое им объективное социальное бытие просто общественным бытием, подчеркивая тем самым его первичность по отношению к общественному сознанию.

Словосочетание «общественное сознание» имеет два несколько отличающихся значения. Первое – совокупность всех вообще представлений людей о мире, включая их знания о природе. Это общественное сознание в широком смысле. Второе значение словосочетания «общественное сознание» – представления людей исключительно лишь об общественных явлениях. Это общественное сознание в узком смысле можно назвать *социарным сознанием*.

Говоря о первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию, К. Маркс, разумеется, имел в виду общественное сознание в узком смысле этого слова. Объективное социальное бытие, то есть система социально-экономических отношений, определяет взгляды и представления людей об обществе, их волю и их действия, а тем самым и все прочие общественные отношения. Эти последние, возникнув, тоже существовали вне сознания, и в этом смысле их система также представляла собой социальное бытие, но только иного рода, чем бытие социально-экономических отношений. Социально-экономические отношения существовали не только *вне* сознания, но и *независимо* от сознания. Они были объективными и только объективными. Прочие же общественные отношения, существуя *вне* сознания, в то же время *зависели* от него. Эти отношения создавались людьми, которые в своей деятельности руководствовались сознанием и волей. Эти отношения были производными от воли людей, то есть волевыми. Волевые общественные отношения вместе с их узлами, которые именуются институтами, учреждениями и т. п., образовывали не *объективное социальное бытие*, как система социально-экономических отношений, а *субъективно-объективное бытие*.

Таким образом, в обществе (в отличие от природы) существует два качественно отличных вида бытия. Первый вид – существующее *вне* и *независимо* от сознания и воли, то есть объективно существующее. Таким бытием являются только социально-экономические отношения. Именно этот вид реальности имел в виду К. Маркс, говоря об общественном бытии. Второй вид – существующее *вне* сознания и воли людей, но *зависящее* от сознания и воли. Эти два вида социальной реальности были названы выше соответственно объективным социальным бытием и субъективно-объективным социальным бытием.

Как уже указывалось, К. Маркс пользовался только термином «общественное бытие», причем применительно лишь к объективному социальному бытию. Особого термина для обозначения субъективно-объективного социального бытия у него не было. Но не различая эти два вида социальной реальности терминологически, он различал их по существу. Когда он рассматривал исключительно лишь отношения между объективным социальным бытием и социальным сознанием, то использовал термины «общественное бытие» и «общественное сознание». Он здесь просто подчеркивал, что общественное бытие первично по отношению к общественному сознанию, представляет собой объективный источник общественных идей.

Когда же речь у него заходила об отношении объективного общественного бытия к социальному сознанию и субъективно-объективной социальной реальности, вместе взятым, то становилось ясным, что термин «общественное бытие» здесь не работает. Ведь субъективно-объективная социальная реальность представляла собой не что иное, как особый вид бытия. Отношения объективного социального бытия и субъективно-объективного социального бытия были отношениями двух видов общественной реальности, первый из которых был фундаментом, основой другого.

Поэтому неизбежным было появление еще двух новых понятий – *базис* и *надстройка*. По отношению к социальному сознанию и субъективно-объективному социальному бытию, вместе взятым, объективное социальное бытие выступало как их базис, а тем самым и как фундамент всего общества в целом, социальное же сознание и субъективно-объективное бытие, вместе взятые, – как надстройка над этим базисом.

Выше уже говорилось о двух видах объективного бытия в природном мире: самобытия и вьинобытия, материального и объектального. Все связи, отношения в природе объективны, но нематериальны: они объектальны, существуют не самостоятельно, а только в материальных явлениях, предметах и процессах. Объектальными являются и все общественные отношения. Но в силу специфики своего основного материального носителя – практической деятельности людей, которая не только материальна, но идеальна, – они в ряде аспектов отличаются от натуробъектальных от-

ношений. Создание материалистического понимания общества и истории помогает разобраться в их особенностях.

Прежде всего стало ясным, что существует два вида социообъектальных отношений. Первый вид – связи, которые являются объективными и только объективными. Они возникают и существуют вне и независимо от сознания и воли людей. Их можно назвать *объективно-объектальными*, или, короче, *объектобъектальными* отношениями. Такими связями являются социально-экономические. Очень своеобразно их отношение к сознанию. Натуробъектальные связи первичны по отношению к сознанию только в том смысле, что они отражаются в сознании, где возникают их образы. Объектобъектальные же отношения порождают обыденное социальное сознание, житейское социальное сознание является прежде всего продуктом этих отношений и только тем самым их отражением. В данном аспекте система объектобъектальных отношений выступает как своеобразная субстанция, как какой-то особенный вид материи. С этим и связана характеристика этих отношений не просто как объективных, а как материальных, которая встречается в трудах классиков марксизма. И эта своеобразная объектальная «субстанция» находится в постоянном движении. Идут чисто социальные объективные и только объективные объектальные процессы.

С созданием материалистического понимания общества и истории стало ясным, что система социально-экономических отношений существует объективно, а тем самым объективно существует и общество, фундаментом которого она является.

Второй вид социообъектальных отношений – связи надстроечные, которые существуют вне сознания людей, но создаются людьми в соответствии с их сознанием и волей и тем самым зависят от последних. Их можно назвать *субъективно-объективными* объектальными (короче, *субъектобъектальными*) или *волевыми* объектальными (короче, *волеобъектальными*) отношениями. Их существование не противоречит тезису о бытии общества в целом как объективного целого. Они ведь не только субъективны, но и объективны. И их объективность не исчерпывается их бытием вне сознания. Они объективны еще и в том смысле, что их природа определяется не социальным сознанием, взятым самим по себе,

а характером объектобъектальных отношений, которые детерминируют это сознание.

Совокупность социально-экономических отношений не просто основа общества. Она – система социальных скреплений. Социально-экономические отношения – это отношения распределения, обмена и перераспределения созданного обществом продукта между его членами. Чтобы существовать, каждый человек должен получать долю общественного продукта. Эта доля должна стать для него своей, быть им присвоенной, войти в его ячейку присвоения. Высшей формой присвоения является собственность, низшей – пользование.

Распределение есть переход, поступление общественного продукта в ячейки присвоения любого из существующих типов: собственности, владения, распоряжения или пользования, обеспечивающее употребление этого продукта либо для личного потребления, либо для производства и тем самым существования людей и общества в целом. Это – движение продукта, причем движение не физическое, а социальное, которое может сопровождаться, а может не сопровождаться физическим его перемещением.

Другой, более поздней формой социального движения вещей является обмен – переход вещей из собственности (или владения или распоряжения) одних лиц в собственность (а также владение или распоряжение) других, то есть из одних ячеек собственности (или владения и распоряжения) в другие подобные же ячейки, возмещаемый встречным движением равных по ценности предметов или их знаков (бумажных денег, например). Обмен в принципе всегда должен быть эквивалентным. В результате его меняется предметное наполнение ячейки собственности (владения и распоряжения), но не общий объем содержащейся в нем доли общественного продукта.

Если же после завершения распределения общественного продукта в ходе последующего социального движения вещей происходит изменение размеров (уменьшение или увеличение) доли, поступившей первоначально в ячейку собственности (владения, распоряжения), перед нами предстает еще один процесс социального движения вещей – *перераспределение*. Он, как и обмен, появляется в обществе не сразу. Это более позднее явление. Перераспреде-

ние, как и другие процессы социального движения вещей (распределение и обмен), проявляется в человеческих действиях.

Социальное движение вещей (распределение, обмен и перераспределение) всегда происходит в рамках особой системы общественных отношений – отношений распределения, обмена и перераспределения, или отношений присвоения, высшим видом которых являются отношения собственности.

Система объективных социально-экономических отношений по своей сути есть сеть каналов, по которым идет непрерывное социальное движение материальных благ, постоянная циркуляция общественного продукта. Это социальное движение вещей и связывает воедино людей, превращает их совокупность в единое целое, в социоисторический организм²⁸.

²⁸ Подробнее обо всем этом см.: Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М., 2014. С. 21–40.